

*Все лица и события
вымышлены автором.
Все совпадения случайны.*

В пустынном баре, ночной порой
Я увлечен был одной игрой,
Я пил степенно, пил не спеша
С красоткой Смертью на брудершафт...

Каин

Часть I

В ЖЕНЫ НАПРОКАТ

За десять минут до того как выброситься из окна, она попросила у меня сигарету. На столик летнего кафе, где сидели мы с тетей Милой, легла тень, мы подняли голову и увидели розовый пупок, из которого торчало серебряное колечко. Я машинально перевела взгляд выше: перед глазами возникли пояс очень светлых джинсов с заниженной талией — над поясом виднелась полоска белоснежных трусиков — и край розовой маечки, доходившей незнакомке точно до середины ребер.

— Не угостите сигареткой? — прозвенел голос. По-детски пухлые губы, которые произнесли эту незамысловатую фразу, сразу же сложились в просительную гримаску.

Девушка была отчаянно молода, ей было лет пятнадцать-шестнадцать, никак не

больше. Будь на моем месте мужчина, возможно, он взирал бы на это розовощекое белокурое, крепко сбитое существо с молочно-белой кожей и задорно вздернутым носиком как-нибудь особенно плотоядно. Для меня же девчонка не представляла ровным счетом никакого интереса, поэтому я равнодушно кивнула на лежащую передо мной сигаретную пачку и отвернулась.

«Сейчас тетя Мила ей скажет: «Деточка, рано курить в твоём возрасте, разве мама никогда не говорила тебе, что курящая девушка — это вульгарно?» — подумала я машинально, просто по привычке прогнозировать ситуацию на несколько минут вперед. И не ошиблась.

— Деточка, разве мама никогда не говорила тебе... — Голос моей тети звучал прочувствованно и сердечно ровно настолько, чтобы микшировать занудно-нравоучительный смысл ее слов. Но девочка-подросток (на то она и была еще в пресловутом переходном возрасте) среагировала мгновенно и с вызовом — что, собственно говоря, тоже было вполне прогнозируемо, выпалила:

— Ой, да не лезьте вы не в свое дело! Отстаньте! Хочу — курю, хочу — пью, вам-то что? А мамы у меня давно нет, понятно вам?

Последние слова все-таки резанули ухо. Я обернулась на грубиянку бог знает зачем,

скорее всего, просто повинуюсь мгновенному чувству жалости: такая молоденькая, и уже сирота! Но она уходила от нас, независимо покачивая полненькими, плотно упакованными в джинсы ляжками и потряхивая светлыми локонами, отброшенными на спину. В нарочито отставленной в сторону руке дымилась сигарета. Ну что ж, обычный нахальный подросток, каких миллион или даже несколько миллионов, если верить последней переписи населения, подумала я. Ничего общего с забитой сироткой из душещипательного рождественского рассказа, да и вообще о девчонке явно заботились, не родственники, так кто-то еще: нормально упитанный, чисто одетый ребенок.

Но тетя Мила, на которую порою накачивали приступы необъяснимой сентиментальности (в такие минуты слезы жалости у нее мог вызвать даже разомлевший на жару котенок — она мгновенно придумывала ему биографию, которая могла поспорничать с приключениями героев бразильских телесериалов), уже смотрела на меня глазами, полными слез.

— Женя! Какой ужас! У девочки нет мамы! — прошептала она, смыкая руки у самого подбородка. — Такая юная! Такая прекрасная! И круглая сиротка!

— Теть Мила, ну перестань! Печально, конечно, но не в подворотне же она обитает!

— Да, но она курит! Попробовала бы бедняжка закурить при живой маме!

— Тысячи подростков курят при живых родителях и зачастую не получают за это даже ремня. А следовало бы.

— Женя, она очень бедненько одета! Ты видела эту маечку? Девочка явно из нее выросла — майка даже пупка не закрывает!

— О господи, тетя! Обыкновенная молодежная мода!!!

— Женечка, а вдруг она голодная?!

Неизвестно, сколько бы времени моя ближайшая родственница ходила по кругу, жалея «горемычную сироту». Наверное, долго, потому что настроение тети Милы, недавно прочитавшей какой-то слезливый роман, находилось в тисках неумной благотворительности — ей хотелось кого-нибудь пожалеть, спасти, отогреть, удочерить, озолотить и удачно выдать замуж, причем желательно все сразу и в ближайшие полчаса.

Я для этой цели явно не годилась: хотя у меня тоже не было мамы (она умерла несколько лет назад), а фактически и отца (после его скороспелой женитьбы на какой-то дуре наши отношения прекрати-

лись), зато имелся явный минус в виде профессии. Наверное, будь я белошвейкой или учительницей музыки, в глазах тети Милы для меня еще оставался бы шанс; но я — телохранитель, работающий по найму за серьезные деньги, хорошо владеющий оружием и приемами рукопашного боя. Само это слово — «телохранитель» — тетя Мила выговаривала дрожащими губами, а уж о том, чтобы предложить мне выплакаться от тягот профессии на ее широкой груди, не могло быть и речи.

— Да пойми ты, что в моей профессии нет ровным счетом ничего удивительного! — не первый год втолковывала я ей. — Телохранителями женщины служили еще в древних храмах Индии, Египта и Среднего Востока. Даже для России это вполне нормальное явление! Первую женщину-космонавта Валентину Терешкову, например, постоянно сопровождала секьюрити из органов госбезопасности. А две моих коллеги еще недавно работали под руководством Александра Коржакова, бывшего начальника службы охраны президента Ельцина.

Все бесполезно. Тетя затыкала уши, закрывала глаза и мотала головой: нет-нет, она согласится с тем, что телохранитель — женская профессия, не раньше, чем увидит

меня за вышиванием или лепкой пельменей.

Поэтому в обращении с единственной племянницей тетушка избрала некий промежуточный вариант: старалась как можно меньше поощрять меня, говорить «о работе», кормила разносолами и время от времени выманивала на прогулки спокойно «подышать свежим воздухом».

Во время этих прогулок она не жалела охов-ахов, привлекая мое внимание к птичкам, голубому небу, весенним ручейкам и прелестным лютикам-цветочкам. Наверное, ей казалось, что на всем этом благолепии должна отмякать и отдыхать моя зачерствевшая душа, непременно кровоточащая ранами ужасов жизни. Когда ей казалось, что душа моя достаточно размякла, тетушка начинала робко заводить разговор о том, что «деточка, тебе пора начать вести более нормальную жизнь». Но на эту тему она выкруливалась уже с меньшим энтузиазмом — очень уж мало было шансов на успех.

* * *

надышавшись полной грудью пропитанным бензиновыми парами свежим воздухом, мы с тетей Милой присели за столик летнего кафе и взяли себе по порции мороженого. Я приготовилась было поболтать с тетушкой о том о сем (почему бы и нет, в конце концов, мы не так уж много времени проводим вместе), а тут эта наглая малолетка с просьбой закурить. Настроение тети было сбито в сторону, которая меня не совсем устраивала, и я решила одним метким ударом поставить все на свои места:

— Посмотри-ка, куда она направилась, твоя «голодная сиротка»! Чтобы попасть в такой дом, нужно там жить или как минимум иметь на руках приглашение от кого-то из высокопоставленных обитателей!

Действительно, девушка с сигаретой уверенной походкой устремилась к высоченному элитному дому, гордо возвышавшемуся на набережной. Это чудо архитектуры было известно в нашем городе под именем «Дворянское гнездо» — огромное сооружение из красного кирпича и стекла, выстроенное в виде средневекового замка с цепями на воротах и коваными решетками на каждом парадном.

Здесь жили самые именитые люди нашего городка — чиновники высшей категории, крупные бизнес-воротилы и «воры

в законе», что, как известно, частенько имеет прямую или обратную зависимость. Простому смертному незаметно проникнуть в это здание так же невозможно, как иноземному захватчику дойти дальше Сталинграда: территория вокруг замка тщательно охранялась и со всех сторон просматривалась камерами наружного наблюдения; у ворот круглосуточно дежурила охрана, а в каждом из подъездов наверняка имелась консьержка.

Летнее кафе располагалось аккурат через дорогу от чугунных ворот, и мы с тетей Милой могли наблюдать, как «сиротка» уверенно минует будку охраны, где ей не задали ни единого вопроса, и направляется напрямиком к одному из подъездов. Поравнявшись с массивной дверью, она не стала давить кнопки домофона, а преспокойно открыла ее вынутым из заднего кармана джинсов электронным ключом-«таблеткой». И скрылась из вида.

— Ну? — торжествующе обернулась я к тете Миле. — Надеюсь, ты не будешь утверждать, что «сиротка» имеет право на свободный проход в такой дом исключительно для того, чтобы просить там милостыню?

М. Серова

■ — А может, она прислуга, — пискнула

тетушка, уже капитулируя. — Бедняжку заставляют трудиться день и ночь...

— ...перебирать мешки с зерном и шить бальные платья для злых сводных сестер. Хватит! Ты прекрасно знаешь, что в прислуги нынче набирают опытных да умелых, а не таких пигалиц, которые и носового платка не умеют погладить. И уж, во всяком случае, никакой буржуин не доверил бы малолетке ключей от своей квартиры. И будет об этом. Давай считать, что тема себя исчерпала.

Тетя отвернулась, шмыгнула носом и разочарованно ткнула ложечкой в раскисшее мороженое.

* * *

На дворе стоял теплый май, солнце гладило нас по волосам, легкий ветерок шелестел зеленью молодых тополей. Я не лирик, но в такую погоду и отпетому цинику хочется откинуться на спинку стула и, подставив лицо золотистому лучу, воскликнуть что-то вроде: «Как хороша жизнь!»

— Как хорошо! — сказала я. Отодвинула от себя опустевшую вазочку из-под пломбира и действительно откинулась на спинку стула, жмурясь от солнечных бликов, которые бегали по крыше и чистым окнам «Дворянского гнезда». Право же, на солн-

це это здание сверкало покруче самого дорогого бриллианта.

Теперь мне самой захотелось закурить. Вынув из пачки сигарету и щелкнув зажигалкой, я чуть отодвинулась от столика вместе со стулом: тетя не выносила дыма. И, как оказалось, это перемещение было удачным — сейчас блики на доме не так слепили глаза.

Прищурившись, я разглядывала геометрически правильные выступы и балкончики «Замка», от нечего делать прикидывая — можно ли при желании забраться по ним в нужную квартиру, если бы этого, скажем, потребовала от меня служебная необходимость. По моему раскладу выходило, что для этой цели понадобилось бы как минимум добротное альпинистское снаряжение, а как максимум — уловки киношного каскадера.

«Лет триста назад этот вопрос решался проще, — подумалось лениво. — Клиент просто бросал вниз веревочную лестницу, а телохранитель, то есть оруженосец, или вассал владельца замка, карабкался по ней, цепляясь шпорами за перекладины. Терял при этом шляпу, рвал фламандские кружева, потел и ужасно матерился в душе на своего сюзерена. И если он находился при

этом в слабоватой физической форме, то наверняка срывался и падал».

Едва я успела додумать эту небогатую мысль, как в самом верхнем, чердачном окне, распахнутом по случаю тепла, появилась чья-то тень.

— Что там? Куда ты смотришь, Женя? — спросила тетя с явным любопытством. И обернулась.

Я не ответила ей — я смотрела **туда**. Смотрела очень недолго. Все произошло очень быстро: короткая возня, подробности которой с места, где я сидела, разглядеть было невозможно, слабый вскрик (а может, мне только послышалось?), и вдруг — душераздирающий вопль! Едва начавшись, он тут же оборвался — будто перерезали натянутую струну.

И одновременно сверху, через подоконник самого верхнего этажа, вниз, к устрашающе-убийственным каменным плитам дворика, мешком пролетело и рухнуло что-то живое и тяжелое. Вокруг закричали, люди повыскакивали из-за столиков — оказывается, жуткую картину наблюдала не я одна!

* * *

— Женя!!! — истошно закричала тетя и вцепилась в мою руку. — Женя, это она! Та девочка! Она выбросилась из окна!

Я не слушала ее, более того — довольно грубо оттолкнула в сторону. А потом, отшвырнув ногой мешающие мне пластмассовые стулья, рванула туда, к дворику «Дворянского гнезда». Уцепившись за острые крючья ограды, в два счета перемахнула через нее, спрыгнув на плиты двора. Внимания на это никто не обратил — охрана бестолково суетилась, вызывая во мне здоровое раздражение: двое просто бегали по двору, еще один дрожащими руками утирал с лица пот, и только четвертый, полноватый и лысоватый дядька в синей форменной рубашке, стоял на коленях возле распростертого на бетонных плитах тела.

— Мертва? — спросила я, наклоняясь над той, что всего десять минут назад попросила у меня сигарету.

Охранник ощупал тело, потрогал жилку на шее, поискал пульс, оттянул веки — и медленно поднялся с колен.

— Мертва?!

Мне не ответили.

— Ужас... Ужас... Ужас... — по-бабьи лопотал тот, что утирал с лица пот.

В глазах у меня моментально потемнело — терпеть не могу мужиков, которые ведут себя как слезливая баба.

— Что ты стоишь, болван?! — рявкнула я так, что этот потный дурак вздрогнул и

вытянулся передо мной в струнку, преданно поедая меня тупыми, очень близко посаженными глазами. — Порядков не знаешь?! Быстро к телефону! Чтобы «Скорая» была здесь через пять минут!

Это подействовало — торопясь, охранник потянулся одновременно в карман за мобильником и к ремню за рацией.

— Несчастный случай... самоубийство... внезапная смерть... пожалуйста, поскорее... — забормотал он.

А я смотрела на девочку. Она лежала неподвижно, с неестественно вывернутыми руками и ногами и, судя по положению головы, с переломанной шеей. На разметавшиеся по плитам светлые локоны из уголка рта, по подбородку и длинной белой шее алым шнурочком вытекала кровяная струйка. Лужа крови вытекала и из-под головы, волосы быстро намокали в ней, становясь совсем темными. А глаза были открыты — девочка, десять минут назад попросившая у меня сигарету, не отрывала от меня удивленного взгляда. Но жизни в этих глазах уже не было.

* * *

Безуспешно стараясь проглотить подступивший к горлу комок, я встала с колен, отошла на несколько шагов и отвер-

нулась. У редких прутьев ограды стояла толпа зевак: человек двадцать, не меньше. Все они изо всех сил старались рассмотреть, что происходит, бурно жестикулировали и громко переговаривались:

— Чо там? Убили кого?

— Да какой-то бандит любовницу с окна выкинул.

— Прямо! Это она сама выпрыгнула. От глюков. Наркоманка, поди, с ними такое сплошь и рядом! Привиделся, наверное, ей какой-нибудь принц заморский, поманил за собой, она и прыг. Дело-то недолгое...

— Вот вы сразу о дикостях каких-то думаете. А может, все дело в любви. От несчастной любви только на такое решаются!

— Ой, ой, сюси-пуси, «несчастливая любовь»! У этих вот, молодых да ранних, и понятия такого нету — «любовь»! У них все сейчас очень быстро делается. Сперва постель, потом: «А давайте познакомимся». Видали мы таких!

— А может, она беременная? А парень сбежал, наверно... И маме сказать побоялась? Испугалась девочка. Переживала, наверное, сильно, ну и решилась...

— Судить таких надо!

— Разрешите? Разрешите? Да пропусти-те же вы врача, наконец! — послышался решительный голос, перекрывший все ос-

тальные. Толпа посторонилась, толстый охранник хлопотливо отомкнул ворота и выпустил врача — высокую женщину в белом халате, марлевой повязке и с медицинским чемоданчиком в руках.

— Где больная? — спросила она и осеклась, увидев тело. Помедлив всего секунду, врач быстро приблизилась к мертвой и наклонилась над ней, одновременно раскрывая свой чемоданчик.

Все молчали.

— Ну что же вы стоите, граждане? — тихо сказала женщина, разгибаясь. — Тут не «Скорую», тут милицию надо. Медицина, к сожалению, уже бессильна.

Темные строгие глаза над марлевой повязкой смотрели серьезно и даже требовательно. Загипнотизированный этим взглядом, по-прежнему потеющий охранник снова потянул из кармана сотовый телефон.

* * *

Тетю Милу я нашла все за тем же столиком летнего кафе. Похоже, она вообще не вставала с места и все время просидела вот так, вцепившись обеими руками в сумочку, крепко-крепко зажмурившись и поджав ножки, словно напуганный ребенок. Я плюхнулась рядом, положила ноги на со-

седний стул и закурила, не особенно заботясь о том, как это выглядит со стороны. Тетя Мила слегка приоткрыла один глаз, увидела меня и чуть расслабилась.

— Это ты? — спросила она слабым голосом. — Ох, как хорошо, что это ты. А я думала...

— Что ты думала? — буркнула я. — Что это убийца и он наконец добрался и до тебя?

— Нет-нет-нет! Не хочу, не хочу, не хочу! Не хочу ничего слышать и знать ни про какого убийцу! И без того мне теперь неделю не спать без снотворного. О-о-ох, вышла погулять с племянницей, на свое горе... Женя, ты только меня сейчас не бросай. Хотя бы до дому доведи, а потом отправляйся...

— Куда это?

— Ну как это — выяснять, что там такое случилось с девочкой. Только не говори мне, что она расшиблась насмерть! Я этого не знаю, не знаю!

Я выпустила последнее облако дыма и с силой загасила сигарету о какую-то жестянку, что валялась возле столика.

— Не собираюсь я никуда идти и ничего выяснять. С какой стати? — Я старалась говорить как можно равнодушнее, пытаюсь отогнать от себя воспоминание о том, как

девочка со светлыми волосами и по-детски припухлым ртом берет из моей пачки свою последнюю сигарету, а затем уверенной походкой удаляется в сторону элитного особняка... чтобы через несколько минут выброситься из его окна и лежать у моих ног с переломанной шеей.

— Ты же знаешь, я работаю только на заказ, то есть только тогда, когда есть клиент. Клиента у меня нет, в данном случае я всего лишь случайный свидетель. И к тому же моя профессия — телохранитель, а во все не следователь И вообще, нам пора домой. Скоро твой любимый сериал начнется.

Последний аргумент, кажется, подействовал на тетю лучше всего. Не открывая глаз, она, как сомнамбула, поднялась с места и тяжело оперлась на мою руку.

— Пойдем... И пожалуйста, никогда больше не напоминай мне о том, что сегодня произошло.

— Успокойся, я и не собиралась.

* * *

Однако вспомнить о кошмарном происшествии мне пришлось уже буквально на следующий день. Вернее, утро: стрелки моих наручных часов еще только подбирались к восьми, когда я, забросив на плечо

спортивную сумку и отчаянно зевая на ходу, сбежала по ступенькам и толкнула дверь подъезда, держа курс в ближайший спортзал. В планах у меня было: как следует попотеть на тренажерах, затем проплыть на дорожке бассейна мой всегдашний «червонец» (десять километров), потом — сауна и тир. Профессия требовала всегда быть в норме; а в последнее время у меня подвалило столько клиентуры, что в спортзале я не была, наверное, уже недели три.

Мой боевой конь — не очень новый, но очень проверенный «Фольксваген», припаркованный на этот раз аккуратно возле подъезда, приветственно мигнул фарами. Я села за руль, бросила рядом сумку и, перед тем как выехать со двора, окинула быстрым взглядом окрестности. Сделала я это скорее по привычке: как упоминалось выше, клиента у меня в настоящий момент не было, следовательно, не было и опасений, что кому-то может понадобиться моя молодая жизнь. Однако натренированный глаз сразу отметил: одновременно со мной тронулась с места и другая машина — ярко-красный «Гранд Чероки».

Дальше последовала сцена преследования из дешевого детектива: я на трассу — и он на трассу. Я несколько раз вильнула, ■ сделав ложный маневр, — тип в «Чероки»

повторил мою траекторию, причем настолько явно и не скрываясь, что это было сильно похоже на издевательство. И держался он, что называется, «след в след». Словом — нахал. Или враг?

Больше всего меня злило, что преследователь прятался за тонированными стеклами, и я понятия не имела — один он там или с какой-нибудь кодлой. Да ну к черту!

Не отрывая взгляда от зеркала заднего вида, я нащупала в боковом кармане сумки пистолет. В голове промелькнула мысль выскочить из машины при первом же удобном повороте и надавать им (ему) по рогам — ясно же, что развлекаться подобным образом может только шпана зеленая. Но как только я нажала на тормоз и сгруппировалась, чтобы одним рывком выбросить тело из салона, — «Чероки» скрылся за ближайшим поворотом...

* * *

Через час нелепая сцена с преследованием выветрилась у меня из головы. В спортзале я оторвалась так, что еще неизвестно, кто через полтора часа выглядел более утомившимся: я или тренажеры. Чувствуя во всем теле блаженную усталость, которая приходит только тогда, ко-

гда ты полностью довольна собой, я направилась в сауну, а затем вознаградила себя за все старания тем, что шлепнулась в прохладно-хрустальную воду бассейна безо всяких правил, оставив за собой целый сноп брызг.

Нужно было сделать никак не меньше двадцати пяти заплывов туда-обратно, и я с удовольствием разрезала воду ровными взмахами рук. И опять смотреть по сторонам не было никакой необходимости, но боковым зрением я заметила на трибуне для зрителей постороннего мужчину. Я говорю «постороннего», потому что одет он был слишком цивильно для человека, который пришел в бассейн позаниматься. Для посетителя спортзала его строгий костюм с галстуком никак не подходил. А для простого зеваки, который забрался на трибуну от нечего делать, было еще слишком рано — около десяти утра.

К тому же я успела заметить, что тип на трибуне наблюдал за мной с явным интересом. «Похоже, моя популярность сегодня утром выходит за пределы благоразумия», — подумала я, стараясь не выбиваться из ритма. Какого черта! В конце концов, все дело может быть просто в моем тренированном теле — почему бы нормальному мужику и не поглазеть на красивую жен-

щину в новом купальнике, рассекающую волны с ловкостью и изяществом уверенной пловчихи?

Но когда я вышла из воды и направилась к шезлонгу, где оставила полотенце, странного типа на трибуне уже не было.

— Ну и славно, — пробормотала я, вытираясь. — Не стоит портить выходной день сомнительными знакомствами.

А в душе уже начинали скрестись кошки.

* * *

На третьем этаже было уютное кафе, где классно варили капучино. Я расположилась там, намереваясь вознаградить себя за все старания чем-нибудь таким, запрещенным для фигуры. Официант поставил передо мной чашку с кофе и тарелку с каким-то мудреным печеньем, я достала сигарету (только не говорите мне про несовместимость курения со здоровым образом жизни — я на такой образ не претендую, иначе не работала бы телохранителем) и приготовилась уже дивно провести ближайшие полчаса. Но...

— Разрешите? — Я увидела перед собой руку с зажигалкой, подносящую огонек к моей сигарете. Незванный кавалер возник как чертик из табакерки — никаких шагов

перед этим я не слышала, а слух у меня такой же тренированный, как и все остальное.

Если он хотел меня удивить, то черта с два я дам ему понять, что и в самом деле удивлена! Неспешно прикурив от огонька, я глубоко затаилась, выпустила дым, откинулась на спинку стула и только тогда подняла глаза на того, кто стоял рядом.

Высокий. Элегантный. Одетый в дорогой костюм — кажется, от Армани. Блондин, но не натуральный — волосы чуть-чуть высветленные и уложенные у явно хорошего парикмахера. Холодные — как две прозрачные льдинки — серые глаза и тонкие губы — два ровных надреза на месте рта. Не скажу, чтобы его можно было назвать совсем уж неприятным типусом, но, во всяком случае, явно не из тех, кого бы хотелось позвать на свой день рождения.

Стоит, смотрит и не уходит.

— Если вы сейчас скажете какую-нибудь банальность типа — почему я сижу здесь одна и что намерена делать вечером, наше знакомство прекратится, не начавшись, — сказала я. Нахалов надо отшивать сразу.

Он только усмехнулся.

— Я не собирался заводить беседу ни с одной из предложенных вами фраз. Доста-

точно только понаблюдать за вами какое-то время, чтобы убедиться — с такой девушкой разговор надо начинать совсем иначе. С других слов.

— Может быть, вы даже готовы предложить такие слова?

— Могу.

— Ну-ка?

— Пятьдесят тысяч долларов за двухнедельную работу, — быстро и без всякой подготовки сказал он.

Я постаралась, чтобы на моем лице не дрогнул ни один мускул. Неторопливо взяла чашку с остывшим кофе, пригубила, снова поставила на блюдце. Однако эффекта не получилось — я поперхнулась и позорно закашлялась, давась дымом от сигареты.

Он усмехнулся еще шире, положил зажигалку в карман, похлопал меня по спине и легко, безо всякого приглашения с моей стороны, сел рядом за столик, придвинув к нему свободный стул. Все это время глазальдинки не отрывались от моего лица, и мне волей-неволей приходилось тоже изучать своего непрошеного визави. Теперь я могла бы сказать, что ему, пожалуй, лет сорок. Или чуть больше, но этот вывод можно сделать, только очень внимательно приглядевшись к мужчине, потому что он явно очень следит за собой — вон бугры мышц

проступают даже сквозь ткань пиджака, потом опять же эта парикмахерская укладка, да и квадратное лицо тщательно выбрито и даже тронуту искусственным загаром.

— Так как? — спросил он, когда я перестала кашлять.

— Плата весьма умеренная, — сипло сказала я. — Не много и не мало — смотря за какую работу.

Внезапно в типусе произошла непонятная мне перемена — черты лица разгладились, стали мягче, глаза тоже потеплели, и вдруг стало понятно, что передо мной сидит нормальный мужик, которому вдруг надоело носить маску крутого мэна. Очень естественным жестом он протянул через столик руку и накрыл ею мою ладонь:

— Я вижу, Женя, что вы не особенно расположены ко мне, я имел несчастье не понравиться вам с первого же взгляда — один бог, впрочем, знает почему. Но у меня действительно сложилась очень сложная семейная ситуация, и именно вы, на мой взгляд, способны если не разрешить ее, то, как это принято теперь выражаться в телевизионных новостях, «заморозить». Моей семье — у меня две девочки, шестнадцати и тринадцати лет — угрожает серьезная опасность. Сейчас вы спросите меня, в чем она заключается, но ответить на этот

вопрос предельно точно я вам не смогу. Но опасность есть. Скажем так: я чувствую это кожей.

— Вы знаете мое имя, знаете, кем я работаю, знаете, как я выгляжу, потому что подошли ко мне первым... — Я прищурилась и выстрелила в него вопросом, которого он вряд ли ожидал: — Так это вы следили за мной все утро? Начиная от дома и потом здесь, в бассейне и кафе?

— Почему вы так решили?

— Потому, что о встрече с вами мы не договаривались, а о том, что я собираюсь в спортзал, не знала ни одна живая душа, — пожалала я плечами. — Следовательно, найти меня здесь мог только тот, кто выслеживал мои перемещения с той самой минуты, как я вышла из подъезда. Это элементарно, Ватсон. Сейчас вам осталось только сказать мне, зачем вам понадобилась эта слежка, затем представиться, а потом... потом я буду решать, хочу ли я иметь с вами дело.

— Ну что ж, на этот вопрос я отвечу, тем более что он не представляет никакой тайны. Я действительно хотел некоторое время понаблюдать за вами со стороны, чтобы оценить... ваши данные, умение водить машину, уровень спортивной подготовки. По-моему, ничего удивительного, учиты-